

Глава 1. Пролог

Я пережил много долгих зим, но лишь две метели врезались в мою память.

Первая случилась в зимнее солнцестояние 2148 года и вошла в историю как канун перелома в борьбе человечества с Великим Бедствием.

Вторая же, разразившаяся в зимнее солнцестояние 2149-го, безмолвно растворилась в реке времени.

Кстати, в день зимнего солнцестояния у него день рождения.

— «Книга отходов»

Зимнее солнцестояние 2148 года.

Поезд мчался через бескрайнюю снежную равнину, следуя из 53-го района Города-Приманки в процветающий Главный город человечества.

В вагоне сидело не больше дюжины пассажиров. Разбросанные по пустым местам, с отрешёнными, ничего не выражающими лицами, в одеждах, подёрнутых слоем застарелой желтизны. Лишь трое в военной форме, сбившиеся в углу, выглядели чуть бодрее.

У окна девочка, прижимая к груди сборник стихов, по-детски нараспев читала:

— Не стоит самонадеянно вскрывать слабого кролика.

Сквозь его глаза, крохотные, как капли росы,

Они взирают на небесный свод.

На корешке книги значилось имя поэта: Янь.

— Даже в стихах про кроликов, — пробормотала девочка. — Этот новый кроличий сверхаберрант такой жуткий... Выглядит слабеньким, а бегаёт так быстро! Ещё и взрывает людей на куски! И до сих пор никто его не поймал!

Раздалось объявление по громкой связи: «Внимание, поезд въезжает в зону лёгкого

обнаружения. Включён режим «Тишина». Сохраняйте спокойствие».

Девочка повернулась к сидевшей рядом женщине средних лет.

— Мама, что такое «Тишина»?

— Чтобы чудовища снаружи нас не заметили.

— А если нас найдут, мы умрём, как папа?

Сидевший напротив Ань Юй открыл глаза.

Не слово «смерть» встревожило его. Скорее, витавший в воздухе лёгкий запах муки — именно он не давал ему уснуть.

Среди вагона, набитого бедняками, нищета Ань Юя бросалась в глаза. Белые волосы скрывали бледность кожи — следствие хронического недоедания. Мешковатая одежда, вся в торчащих нитках и дырах, на фоне бушующей за окном метели выглядела до смешного жалко.

Его золотые глаза, ясные, как зеркало, хранили в себе холодное безразличие, свойственное обитателям трущоб. Он взглянул на сборник стихов — в переплёте будто бы мелькнула ослепительно-зелёная искра.

Опять галлюцинации от голода.

Он опустил голову и потёр глаза.

— Не говори брату про папу, — тихо наставляла женщина.

— Я помню, — девочка продолжила перелистывать страницы. — Брату и так нелегко одному в Главном городе. Если спросит, скажу, что дома всё хорошо.

— Да, — женщина смотрела в пустоту. — То, что в нашей семье появился житель Главного города — великое счастье. Сяо Си всего двадцать, а он уже исследователь в «Мозге». Если бы не он, нам в 53-м районе пришлось бы совсем туго.

— Брат в последнее время даже по видеосвязи не звонит. Он знает, что мы едем поздравить его с днём рождения?

— Если бы знал, это не было бы сюрпризом. Поезда ведь так редко ходят, — женщина погладила стоявший рядом с ней контейнер для еды. — Не знаю, помнит ли он ещё этот вкус...

Запах муки исходил именно оттуда.

— Брат в детстве тоже ел бобовые лепёшки?

— Ел. В этот раз мама специально замариновала красные бобы в меду, так сладко получилось. Хотя, конечно, с едой в Главном городе не сравнить, — женщина вдруг засомневалась. — Он и в детстве жаловался, что лепёшки недостаточно сладкие, а сейчас, боюсь, и вовсе смотреть на них не станет...

Услышав это, Ань Юй отвёл взгляд от контейнера.

В этом году метели были на удивление частыми, а снегопад считался предвестником беды. Ресурсы, выделяемые Главному городу для Города-Приманки, постоянно урезали. Сейчас даже кусок чёрствого хлеба казался несбыточной мечтой, а кто-то в такое время смеет привередничать из-за бобовых лепёшек.

Все они были «низшими» из 53-го района, но, очевидно, и у парий была своя иерархия.

Шёл двадцать шестой год с момента таинственного пришествия аберрации, и бывшее величие человечества давно обратилось в прах. Чтобы сохранить силы, руководство собрало людей с лучшими генами в Главном городе. Вокруг него, словно луковые кольца, раскинулись сто полуразрушенных Городов-Приманок, ставших пристанищем для большинства, обречённого на забвение.

Гены Ань Юя были худшими из худших. Вдобавок он страдал от сонной болезни, просыпаясь лишь на несколько дней в месяц. Из-за этого он был полностью оторван от общества. Если бы не добрый сосед Лин Цю, который постоянно брал за него подработку, он бы даже социального пайка не получал.

— Ты голоден? — вопрос женщины вырвал его из раздумий.

Ань Юй поднял глаза и не сразу понял, что обращаются к нему.

— Молодой человек, твои глаза немного похожи на глаза моего сына. Сколько тебе лет?

Он редко общался с кем-то, кроме Лин Цю, и потому ответил немного неуклюже:

— Восемнадцать.

— Совсем юный, — вздохнула женщина. — Скоро прибудем в Главный город. Наверное, ждёшь с нетерпением?

— Угу...

Как бы не так. В эту дальнюю поездку он отправился по необходимости.

Два месяца назад Лин Цю приняли в Военное ведомство — единственный путь для обладателей низших генов попасть в Главный город. Ань Юй уже решил, что теперь у него есть покровитель и его жизнь станет проще, но несколько дней назад заведующий жилым фондом 53-го района вдруг вздумал проверить трудовые книжки. Малейшая задолженность — и тебя вышвыривают из социального общежития на произвол судьбы.

Так Ань Юй, скрывавшийся много лет трутень из трущоб, был наконец обнаружен. Чтобы сохранить жильё, ему нужно было оформить документы об опеке с Лин Цю и стать «братом военнослужащего из Главного города». Но новобранцам на сборах запрещалась любая связь. До принудительного выселения оставалось сорок восемь часов, и ему пришлось, скрепя сердце, сесть в этот поезд.

Перед уходом Лин Цю наставлял его: живя в одиночку, не избежать общения с людьми. Чтобы выжить, «низший» должен довести своё раболепие до совершенства: быть вежливым, научиться наблюдать за сильными и угождать им, чтобы использовать в своих интересах.

Но Ань Юй был слишком асоциален. Лин Цю был его единственным мостом во внешний мир, и мысль о потере этого моста приводила его в смятение.

Поэтому Лин Цю научил его пяти универсальным фразам «низшего»: «Спасибо». «Мне очень жаль». «Умоляю вас». «Вы правы». «Желаю вам успеха».

«Последние две фразы нужно произносить с улыбкой. Искренность — основа дружеских отношений», — так говорил Лин Цю.

Ань Юй очнулся от воспоминаний и медленно растянул губы в улыбке.

— Вы правы. Я с нетерпением жду.

Сказав это, он, словно выполнив задачу, опустил голову, но его взгляд снова непроизвольно скользнул к контейнеру с едой.

Женщина с улыбкой приоткрыла крышку.

— Хочешь попробовать?

— Попробовать? — опешил Ань Юй. — Вы... хотите угостить меня?

— Да, я много приготовила.

Внутри аккуратными стопками лежали лепёшки из муки грубого помола, украшенные красными бобами, которые стоили дороже его жалкой жизни.

В глазах Ань Юя наконец-то блеснул огонёк. Отражение в оконном стекле выдавало его застывший взгляд, прикованный к приближающейся лепёшке...

Двигатели внезапно взревели и заглохли!

Раздался оглушительный скрежет, и поезд замер посреди мёртвой тишины снежной равнины.

Всех в вагоне подбросило.

— Что случилось?!

Лепёшка покатила по наклонному полу в конец вагона. Ань Юй, которого инерцией сбросило на пол, не раздумывая, вскочил и бросился за ней.

Со всех сторон слышался треск.

— Вагон ломается! — вскрикнул кто-то.

— Всем оставаться на местах! — рявкнул военный. — Мы проверяем, что случилось!

Прочная обшивка потолка начала трескаться и осыпаться. Сборник стихов девочки упал на пол, и из него выскользнула и скрылась светящаяся зелёным личинка богомола.

Ань Юй бежал за своей лепёшкой всё быстрее. Добравшись до хвоста вагона, он присел на корточки, пытаясь вытащить её из-под сиденья.

Внезапно ветер, гулявший по равнине, донёс тошнотворно-кислый запах и сводящий с ума гул. Огромная тень накрыла поезд.

— Аберрант! Здесь аберрант! Господин офицер!

Аберрант?

Ань Юй, сжимая в руке наконец-то добытую лепёшку, запоздало обернулся.

Гул исходил от гигантского богомола. По обе стороны от ротового аппарата твари находились два глазных мешка размером с человеческую голову. Они были плотно закрыты. Когда Ань Юй обернулся, тварь уже занесла свои серповидные передние конечности и с размаху ударила по вагону!

Мать и дочь не успели даже вскрикнуть — их разрубило пополам. Кровавый туман растворился в порыве ветра.

В этот момент богомол открыл глаза.

Внутри глазных мешков не было зрачков — лишь сероватая плоть, судорожно пульсирующая. Мгновение спустя они снова закрылись.

— Спа... спасите!

— Господин офицер...

— Нет! Не-ет...

Разорванные крики боли эхом разнеслись по снежной равнине.

Треугольная голова богомола непрерывно вращалась, а его лапы-серпы безжалостно кромсали разбегающихся в панике людей.

Ань Юй торопливо откусил кусочек лепёшки и, пользуясь суматохой, забился в угол.

Он рассосал на языке крупинку сладкого красного боба и стал наблюдать за происходящим сквозь щель между сиденьями.

Слепота не мешала богомолу охотиться. Вскоре последний несчастный был изрублен на куски. Как только крики стихли, его голова резко повернулась в сторону хвоста вагона.

Ань Юй как раз проглотил кусок и замер.

В вагоне воцарилась мёртвая тишина.

Богомол застыл на несколько секунд, словно в нерешительности, но всё же потащил свои передние лапы в его сторону.

Резкий скрежет становился всё ближе. Тошнотворная вонь уже висела прямо над головой Ань Юя...

Грохнул выстрел!

Военный, прятаясь в голове вагона, выбрал момент и выстрелил твари в затылок.

Однако пуля, оставляя за собой огненный след, лишь вонзилась в хитиновый панцирь, так и не взорвавшись.

Богомол резко развернулся и одним ударом переломил позвоночники двум солдатам. Кровь забрызгала всё вокруг. Третьего несчастного отшвырнуло в хвост вагона, и он рухнул в угол наискосок от Ань Юя.

Это был молодой младший лейтенант с коротким ёжиком волос. Вместо левого плеча у него зияла дыра, из которой прерывистыми струйками била кровь.

На другом конце вагона богомол копался в останках — весь вагон был заражён. На конечностях некоторых трупов уже начал образовываться панцирь. Тварь с азартом потрошила полу-аберрировавшие тела, и вагон наполнился звуками влажного, хрустящего чавканья.

Жизнь стремительно покидала лейтенанта. Он медленно поднял уцелевшую руку и приложил палец к губам, показывая Ань Юю, чтобы тот молчал.

Ань Юй заметил, что рука офицера двигается как-то скованно, словно конечность членистоногого. Из раны на плече вместо крови уже сочилась прозрачная жидкость. Он перестал быть человеком.

Ань Юй отвернулся, избегая его взгляда.

Спустя несколько мучительно долгих минут богомол наконец насытился и, волоча своё огромное тело, медленно удалился.

Напротив, продолжавший аберрировать лейтенант, медленно закрыл глаза. В вагоне остался только Ань Юй. Он уткнулся лицом в колени; промокшее от пота тело била дрожь на ледяном ветру.

Внешний мир и вправду опасен. Нужно скорее закончить дела и вернуться в свою конуру...

Внезапно раздался звонок коммуникатора.

Резкий звук пронзил тишину снежной равнины. Веки почти потерявшего сознание лейтенанта дрогнули. Не успел он достать терминал, как перед ним возникла огромная тень.

Богомолу потребовалось всего несколько секунд, чтобы вернуться.

На этот раз он открыл глаза — в его глазных мешках уже сформировалось больше дюжины кроваво-красных, беспорядочно мечущихся глазных яблок, которые мгновенно напомнили о съеденных им несчастных.

Ань Юй, затаив дыхание, сжался в углу за его спиной, вынужденный наблюдать за этим чудовищным пиршеством.

Однако, едва разорвав грудь лейтенанта, тварь замерла.

Казалось, она к чему-то жадно принюхивается. Усики на её голове вращались во все стороны. Светящаяся зелёным голова медленно повернулась на сто восемьдесят градусов, уставившись прямо в то место, где прятался Ань Юй!

Мечущиеся глазные яблоки в тот же миг устремились к центру, переполненные восторгом.

Это была радость падальщика, нашедшего деликатес в мусорном баке.

Хоть это и было совершенно неуместно, Ань Юй невольно вспомнил, как пару дней назад случайно нашёл под кроватью Лин Цю кусок хлеба. Как нелепо — он всегда был равнодушен к человеческим эмоциям, но сейчас, казалось, мог разделить чувства этой твари.

Тяжёлое дыхание стало чаще. Богомол окончательно развернулся. Его лапы-серпы задрожали, и он издал нетерпеливый, полный предвкушения стон.

«...»

Слюнки текут.

Каждая клетка тела Ань Юя кричала: «Беги!». Под пристальным взглядом твари он сунул лепёшку в карман и медленно пополз к выходу. В тот момент, когда он приготовился к прыжку, холодное лезвие серпа подцепило его сзади и, словно блин, швырнуло на пол!

Острая боль пронзила до костей.

В то же мгновение таинственный шёпот пронёсся по нервам, вызывая в глубинах сознания доселе неведомое содрогание.

Ветер внезапно взвыл, проносясь по снежной равнине.

Бобовая лепёшка с маленьким, испачканным в грязи надкусанным полумесяцем откатилась в угол.

Это было последнее, что увидел Ань Юй, прежде чем потерять сознание.

Авторское примечание:

□Страницы из «Книги отходов»□ 01. Метель

С момента пришествия Великого Бедствия мир постепенно окрасился в белый цвет.

Каждый раз, когда начиналась метель, в окружающей среде обнаруживались хаотичные частоты и энергия. Люди верили, что именно это и было причиной аберраций.

Со временем белый цвет стал считаться дурным знаком.

Если вы видели на улице человека с белыми волосами, скорее всего, это был антисоциальный безумец. Лучше держаться от таких подальше.

Но если на нём была ещё и белая одежда, можно было расслабиться.

Вероятно, он был просто беден.

Примечание: В этой новелле будет 3 серии мини-сценок: □Страницы из «Книги отходов»□ — материалы о мире; □Осколки снега□ — материалы о персонажах; □Хлебный дневник Ань Юя□ — повседневная жизнь главного героя.

<http://bllate.org/book/13364/1188431>